

Петр Михайлович
Лансков

Проклятое место, или как бороться с драконами

Создание условий для необратимости политических преобразований

В 1982 году я окончил Ленинградский инженерно-экономический институт (ЛИЭИ) по специальности «экономика и организация городского хозяйства». Отслужив в армии и поработав в ЛИЭИ младшим научным сотрудником, я после обучения в аспирантуре в ноябре 1990 года стал кандидатом экономических наук.

До этого в марте 1990 года прошли выборы Ленсовет, и меня, увлеченного процессом перестройки аспиранта, избрали его депутатом от блока «Демократические выборы — 90 / Ленинградский народный фронт». Ввиду того, что меня интересовали в первую очередь экономические преобразования, я вошел в Комитет по собственности Ленсовета и параллельно стал главным специалистом Комитета по экономической реформе Ленгорисполкома (возглавляемого А. Б. Чубайсом).

Именно тогда, я считаю, и начались основные события моей биографии. В 1991 году вышли первые положения о Госкомитете РСФСР по управлению госимуществом (21 января), Российском фонде федерального имущества (3 июля) и, самое главное, Закон РСФСР «О приватизации государственных и муниципальных предприятий в РСФСР» (3 июля). Мы сразу подготовили свои варианты документов во исполнение этого закона, но их принятию помешал путч. В первые дни после путча два внесенных мною проекта — Положения о Фонде имущества и Комитете по управлению имуществом были оперативно приняты Президиумом Ленсовета, вместе с рядом «революционных» воззваний.

В этот же период я познакомился с Дмитрием Васильевым (мы вместе с ним работали в отделе приватизации Комитета по экономической реформе и готовили так называемую «малую приватизацию») и экспертом Комитета по собственности Ленсовета Альбертом Сокиным. Оказавшись чрезвычайно близкими по духу, мы начали пробивать через наши Комитеты все готовящиеся документы Ленсовета и Ленгорисполкома в области приватизации. С нами Сокин, кстати, работал на общественных началах, будучи, как и мы, фанатом приватизации.

Главное управление имуществ в Ленинграде было сформировано еще в 1990 году, а после августа 1991 года мы его преобразовывали в Фонд имущества и Комитет по управлению государственным имуществом (КУГИ), согласно вышедшему закону.

Тогда же я стал также «сватать» на должность руководителя Фонда имущества Санкт-Петербурга вернувшегося из отпуска Дмитрия Васильева. К тому времени мы с ним уже работали и внедрили методику оценки арендной платы при сдаче городской недвижимости в аренду. Это была первая в России, хотя и квазирыночная методика. Город в это время чрезвычайно нуждался в средствах, и мы предложили реальный источник для пополнения его бюджета.

Однако Васильева удалось назначить только заместителем директора Фонда. Более сильная политическая поддержка в Ленсовете оказалась у Эдуарда Бурэ. Организационные хлопоты по созданию структуры Фонда длились пару месяцев, за это время Гайдару предложили возглавить правительство, и он пригласил составить ему компанию Чубайса, а Анатолий Борисович согласившись, взял заместителем в ГКИ (Госкомитет РФ по управлению имуществом) Дмитрия.

Я же остался в Питере, став экономическим советником председателя горсовета Ленинграда (Санкт-Петербурга) Александра Беляева, чтобы изнутри законодательного органа реализовывать идеи приватизации и экономической реформы. Одновременно я стал и заместителем директора Фонда по вопросам фондового рынка, на общественных началах. Через год, с сентября 1992 года мою должность формализовали. Вместе с этим я оставался депутатом демократического Ленсовета.

Кстати, мне приходилось в 91–92 годах почти еженедельно выезжать в Москву и помогать своим коллегам в создании нормативной базы приватизации. Мы сидели с Сокиным, Васильевым, Кохом, Маневичем и писали, писали... В аппарате ГКИ и Правительства людей, способных формулировать нормативные акты на языке правовой экономики, не хватало.

Поэтому, когда в 1992–94 годах проходили ваучерная приватизация и чековые аукционы, мы к ним были изначально готовы и организационно, и идеологически. В результате в Санкт-Петербурге была проведена половина всех российских чековых аукционов. Мною, как председателем комиссии по подведению итогов чековых аукционов Фонда, было подписано более 600 соответ-

П. М. Лансков

1990 –1993

Депутат Ленинградского (Санкт-Петербургского) городского совета народных депутатов.

1990–1991

Главный специалист Комитета по экономической реформе Ленгорисполкома.

1991–1992

Экономический советник председателя горсовета Санкт-Петербурга.

1992–1994

Заместитель генерального директора Фонда имущества Санкт-Петербурга по вопросам фондового рынка.

1994–1996

Председатель правления Комитета профессиональных участников рынка ценных бумаг (Санкт-Петербург).

1996–2000

Президент Профессиональной ассоциации регистраторов, трансфер-агентов (ПАРТАД).

2000 — наст. время

Руководитель
Инфраструктурного
института ПАРТАД

вующих протоколов, ни один из которых не был впоследствии оспорен. Так приватизационный чек стал первым ликвидным фондовым инструментом, а сменили его акции приватизированных предприятий.

Оставаясь адептом чековой приватизации, я до сих пор считаю, что это был самый чистый этап приватизации. Если там и были ошибки, то они не носили злонамеренного характера.

Так как наш Фонд был «просоветским» (вернее «проленсоветским»), то все программы приватизации мы с Михаилом Маневичем (зампредседателем КУГИ) проводили через Ленсовет «на ура».

В городе была создана для реализации наших идей собственная городская инфраструктура. У нас был свой порядок сбора заявок и создана система аукционных центров. К общероссийской системе мы при необходимости подключались, но в основном действовали самостоятельно, автономно. Ваучеры должны были депонироваться в Санкт-Петербурге, в том числе участниками аукционов из других регионов. Для учета и физического хранения чеков юридических лиц мы создали СПб Расчетно-депозитарный центр и Северо-Западный фондовый центр как акционерные общества, учрежденные профучастниками рынка. Также нам удалось договориться с региональным Сбербанком, чтобы 5–7 их городских отделений принимали ваучеры у населения. Потом для исполнения этой функции было подключено несколько других банков. Мы не боялись, что некоторые из них имеют свои приватизационные интересы. Главным было увеличение числа точек приема ваучеров, чтобы сделать невозможным чей-либо контроль за процессом.

Надо сказать, в Питере нам помогал создать инфраструктуру фондового рынка Фонд Know–How из Великобритании. Именно они, в частности, поставили всю технику и программы в наши аукционные центры. Впоследствии я имел возможность лично поблагодарить за это английскую королеву Елизавету II.

Система была компьютеризирована, заявки на участие в аукционах вводились в электронную базу. Для того чтобы сбербанковцы вписались в систему, мы им специально приобрели компьютеры. Их в отделениях Сбербанка в то время попросту не было! Наш сотрудник по окончании рабочего дня объезжал все точки приема и собирал дискеты с информацией о принятых заявках и чеках.

Я был противником приема ваучеров в самом Фонде имущества, но мне не удалось убедить в этом Бурэ. В итоге мы получили уголовное дело в связи с потерей в Фонде большого числа уже принятых чеков и прокуратура «висела» на Фонде пару лет, а ответственный за пункт приема сотрудник даже просидел в КПЗ четыре месяца. Отпустили его по амнистии.

В ночь с 31 июня на 1 июля 1994 года (в 24 часа), я лично принял последний чек, насколько помню, на аукционе, ОАО «Гостинный двор» в пункте приема заявок, расположенном в этом же универмаге.

Сложнее была ситуация с инвестиционными конкурсами. Делали их под «красных директоров», условия их были смехотворными. Мне это было отвратительно, но таков был закон, принятый тогдашним Верховным советом РСФСР/РФ. Доведя потом «до ума» идеи этих конкурсов, определенная категория приватизаторов запустила позже пресловутые «залоговые аукционы».

Обобщая опыт проведенных в Санкт-Петербурге торгов, начальник отдела аукционов и конкурсов областного фонда имущества, Петр Лансков сказал: «Внезапного желания инвестировать десятки миллионов долларов никогда и ни у кого не возникнет. Совершенно очевидно, что все инвестиционные конкурсы, хотим мы этого или нет, делались и будут делаться под совершенно конкретного инвестора. Если, даст Бог, у него появятся какие-либо конкуренты в процессе приема заявок, то и хорошо. Не появятся — тоже неплохо. Чтобы подвинуть предприятие на акционирование, комитеты вынуждены идти на своеобразную сделку, которая заключается в том, что предприятие может продиктовать в план приватизации условия проведения конкурса под совершенно конкретного инвестора...»

Александр Привалов, Наталья Калининченко, Владимир Бессонов,
Татьяна Гурова, Валерий Фадеев. Обзор инвестиций и приватизации. // Коммерсантъ (Москва). — 14.06.1993

Параллельно с чековой приватизацией произошли события октября 1993 года. Собчак воспользовался колебанием Малого совета (рабочего органа Ленсовета) и руками президента Ельцина разогнал неподчиняющийся ему городской Совет, поставив под угрозу работу нашего Фонда. Ведь Совет был его учредителем. Бурэ, как яркий представитель враждебной мэру структуры, был изгнан. Меня «репрессии» не коснулись, так как я отвечал за инфраструктуру чековой приватизации, а занимаясь политикой, не конфликтовал лично с Собчаком. Хотя поводы для конфликтов Анатолий Александрович регулярно давал: он пачками раздавал городскую недвижимость, а Ленсовет упорно его решения отменял. Причем я уверен — действия мэра не носили коррупционного характера, просто, будучи по характеру этаким барином, он с барского плеча любил осчастливить под руку попавшего ходока. Несмотря на заслуги в демократизации, как градоначальник он был совершенно некомпетентен. В 1994 года мы начали перестраивать систему чековых аукционов на денежные, трансформируя Северо-Западный фондовый центр для работы с появляющимися реестрами эмитентов — их надо было кому-то вести. Летом, после окончания периода чековой приватизации, я подготовил пакет документов для денежных аукционов и уехал в Лондон повышать квалификацию по программе Фонда Know-How, где прослушал курс «Управление инвестиционным портфелем». Вернувшись на роди-

ну, я уволился из Фонда имущества. Организовывать инвестиционные конкурсы под руководством назначенцев Анатолия Александровича мне совершенно не хотелось.

Чековой же приватизацией я занимался потому что, во-первых, мне нравилось реализовывать ее как инновационный проект, во-вторых, считал это дело необходимым условием обеспечения необратимости политических преобразований.

В сентябре 1994 года профучастники, занимавшиеся со мной приватизацией, как участники чековых аукционов и одновременно учредители городских инфраструктурных организаций, предложили мне возглавить городской общественный Комитет профессиональных участников рынка ценных бумаг. Идея была в том, чтобы координировать деятельность людей и организаций, связанных с инфраструктурой фондового рынка, а также обеспечить им политическую поддержку. Это был союз физических лиц — руководителей инвестиционных компаний, в число которых вошли будущие руководители НАУФОР — Иван Лазарко и Алексей Саватюгин, нынешний вице-губернатор Петербурга — Михаил Осеевский и другие известные в Питере люди. Я обеспечивал этому «клубу энтузиастов» неформальную связь с ГКИ, внутри которого уже формировалась Комиссия по ценным бумагам (создана в конце 1994 года).

В результате два года, пока я работал в Комитете, он исполнял роль неофициального представительства Федеральной комиссии в Санкт-Петербурге, которая, напомним, была тогда при Президенте России и региональных подразделений не имела.

С руководством Комиссии у нас была личная уния, основанная на единстве взглядов. В первую очередь мы обратили свое внимание практически на несуществующую нормативную базу инфраструктуры фондового рынка. Пара положений Минфина, действовавших тогда, оставляла множество дыр, способствующих злоупотреблениям. Поэтому не удовлетворяла никого. Я, естественно, начал активно общаться по этому поводу с «москвичами» Дмитрием Васильевым и Альбертом Сокиным как главными движителями прогресса. В первую очередь следовало урегулировать вопросы с правилами ведения реестров. Пока их вели все кому не лень и как кому бог на душу положит. Передо мной была поставлена задача — добиться концентрации максимального числа реестров в Питере у минимального числа регистраторов. Причем добиться убеждением! Центральным регистратором был выбран Северо-Западный фондовый центр, председателем наблюдательного совета которого был я. Все шло хорошо, но затем произошел конфликт учредителей с директором СЗФЦ Еленой Михайловой. Елена руководила Центром с момента его создания и, видимо, переоценила свои полномочия — она решила практически отдать доверенное ей детище профучастников питерскому «Инкомбанку», не согласовав это с партнерами.

На свою пресс-конференцию весной 1996 года, посвященную этому знаменательному событию, она пригласила Галину Стародубцеву, уже

возглавлявшую Профессиональную ассоциацию регистраторов, трансфер-агентов (ПАРТАД). Я позвонил и встретился с Галиной, пытаюсь объяснить ситуацию с возникающим конфликтом собственников и исполнительного органа. Разговор закончился ничем, собеседница была почему-то настроена воинственно и поддерживала все действия Михайловой. То ли из-за женской солидарности, то ли из-за того, что Елена представляла в ПАРТАДе Северо-Западный регион.

Мне пришлось заниматься черновой работой — снятием директора, взятием центра под контроль акционеров и т. д. Однако наши оппоненты не успокоились и стали выводить реестры из СЗФЦ и создавать собственные регистраторы, из которых потом вырос Единый регистратор. Так что с рейдерскими методами мне пришлось столкнуться уже в середине 90-х годов. Несмотря на это, нам все-таки удалось достигнуть достаточно большой концентрации эмитентов в СЗФЦ.

Кстати, конфликт с Галиной не получил развития. Когда, преобразовав Северо-Западный фондовый центр в регистратора, мы подали заявку на получение лицензии, у нас не возникло проблем в ПАРТАДе при проверке там соответствующих документов. Более того, мои коллеги похвалили эффективную работу экспертов ассоциации.

Параллельно был запущен механизм обслуживания РДЦ рынка муниципальных облигаций (в этом большую роль сыграл Игорь Костиков). Тогда же мы помогли ПАРТАДу создавать их филиал в нашем городе. Мы даже вначале предлагали им открыть его на базе нашего Комитета, что было бы логичным, но коллеги захотели иметь собственную структуру, так и поступили. В результате их офис открылся на 7-й Красноармейской улице в соседних комнатах с нами. Параллельно шло сотрудничество с ПАУФОРом. Создали мы и отдельное юрлицо для поддержки торговой системы, будущей РТС — Фонд «Единая торговая система» (сейчас на ее помещениях находится региональный филиал НАУФОРа). Дело в том, что вначале обсуждалась возможность создания сети региональных торговых структур, объединенных в общероссийскую.

Я участвовал во всех переговорах в процессе создания РТС и преобразования ПАУФОРа в НАУФОР. Создание РТС курировал USID, эксперты которого постоянно к нам приезжали. В качестве представителя одной из питерских инвестиционных компаний я стал и одним из учредителей НАУФОРа, подписав его учредительные документы по доверенности. Так что с брокерами мы взаимодействовали достаточно плотно. К 1996 году произошло разделение бизнесов профучастников и наш Комитет стал в основном заниматься инфраструктурой рынка ценных бумаг.

Сейчас много говорят об ожесточенной борьбе уже в этот период Центрального банка с Федеральной комиссией по рынку ценных бумаг (ФКЦБ). На мой взгляд, никакой особой борьбы на начальном этапе не было. Более того, и в 1994, и в 1995 годах Васильев и Сокин мне посто-

янно говорили, что Андрей Козлов — единственный человек в ЦБ, с которым можно обсуждать вопросы развития инфраструктуры, что он наш союзник и партнер и с ним необходимо тесно взаимодействовать. Поэтому и мы воспринимали Козлова как участника единого с нами процесса. Более того, дальнейший конфликт с ним мои коллеги воспринимали как односторонний отказ от совместно выработанного подхода к построению инфраструктуры. Например, они никогда не были против того, чтобы банки работали на рынке ценных бумаг. Они возражали только против их участия напрямую. Кредитным учреждениям предлагалось предварительно создать инвестиционные компании и через нее вести свою деятельность на РЦБ. Но без участия Центрального Банка это решение нельзя было претворить в жизнь, — необходимы были изменения банковского законодательства. Так образом была возможность осуществить внутренне непротиворечивую смычку рынка ценных бумаг с банковской сферой. Но наши коллеги из ЦБ были ортодоксальными сторонниками универсальных банков. Кстати, именно за это сейчас снова критикуют Центробанк — раздельного управления рисками кредитной деятельности и деятельностью банков, как профучастников на фондовом рынке, нет до сих пор!

Противоречия же между Васильевым и Козловым постепенно переросли в конфликт, когда стало ясно, что ММВБ создана не только для торговли валютой. Это было нарушением предыдущих договоренностей. Сам подход, что торговля ценными бумагами, а особенно корпоративными бумагами, будет организована через структуру, контролируруемую не рыночным по определению Центральным банком, был для нас неприемлем. И здесь было уже не важно, какие персоны в нем работают. Прогрессивные или нет. В то же время это была мина в основы закладываемойся инфраструктуры фондового рынка в целом. Более того, я считаю, что многие нынешние проблемы инфраструктуры были порождены именно тогда.

Лично я всегда был и остаюсь сторонником минимизации участия государства в экономике.

Итак, структуры, созданные во время приватизации, к лету 1996 года в Санкт-Петербурге вписались в фондовый рынок. Это было зафиксировано моими товарищами Сокиным и Васильевым. Они решили: если моральный и практический результат в Санкт-Петербурге достигнут, то можно меня задействовать для каких-то новых созидательных целей в Москве. Стал я им нужен и как политический союзник в столичной междоусобице с ЦБ.

В Москву, в Москву, в Москву...

Летом 1996 года в недрах ММВБ начал готовиться проект создания Национального депозитарного центра (НДЦ). При этом, как мне сказали Сокин и Васильев, президент ПАРТАДа Галина Стародубцева тесно взаимодействует по этому поводу с чиновниками ЦБ, и, скорее всего,

будет назначена руководителем НДЦ. Но при этом она не собирается оставлять кресло в ПАРТАДе, что для них было противоестественно. Заменить Галину было предложено мне. Работу с Советом директоров коллеги взяли на себя. Задача облегчалась тем, что к тому моменту была проведена проверка силами ФКЦБ правильности использования ПАРТАДом иностранной помощи, и, как положено, были обнаружены недостатки. Так или иначе, но Стародубцева ушла добровольно. Тем более что Козлов в тот момент был в отпуске. Чиновники ФКЦБ и ЦБ поступали симметрично: если Козлов перетягивал Стародубцеву в свою структуру, то Васильев вытаскивал меня в свою.

В начале сентября 1996 года Совет директоров Профессиональной ассоциации регистраторов, трансфер-агентов и депозитариев назначил меня исполняющим обязанности президента. Сопротивления моему приходу никто не оказывал. Совет директоров ПАРТАДа уже тогда объединял ряд влиятельных участников инфраструктуры, которые хотели более тесного взаимодействия ПАРТАД и ФКЦБ. Я бы отметил в этом плане Алексея Королева, Александра Гордона, Владислава Москальчука, Валерия Петрова, Алексея Жинкина и некоторых других. Все они продолжают работать на рынке, многие до сих пор входят в совет директоров ПАРТАДа. Выбор Совета директоров был подтвержден на общем собрании в ноябре.

Став президентом общественной организации, я был тут же полноценно вовлечен в конфликты вокруг нормативного регулирования депозитарной и регистраторской деятельности.

Главным идеологом у нас был Альберт Сокин, человек стратегического мышления, который, если бы он не умер внезапно, то смог бы подняться чрезвычайно высоко, да и вся система взаимоотношений на рынке, очевидно, сложилась по-иному. Я считал и считаю его своим другом и учителем, хотя разница в возрасте у нас была небольшой. Вместе с тем это был непростой, экспрессивный, увлекающийся человек, мы часто ссорились, иногда не разговаривали по полгода, так как оба люди холерического склада. Правда, все ссоры были до того, как я переехал в Москву. Для реализации своих идей Альберт использовал любые методы политической борьбы, конечно, в рамках закона, не подключая к ней ни правоохранительные органы, ни бандитов, что было свойственно тому времени. Он до конца своей жизни снимал номер в гостинице «Арбат» (филиал «Президент-отеля») на Сивцевом вражке, так и не став в Москве даже ответственным квартиросъемщиком. В этом гостиничном номере и умер романтик экономических реформ. С его уходом ФКЦБ потеряла половину своего интеллектуального и политического потенциала.

Я на первом этапе не мог быть сильным помощником моих коллег, так как сам еще нуждался в консультировании. Я ходил по рынку и впитывал все, что мне говорили более опытные профессионалы-москвичи. Много мне дали и семинары-тусовки Анатолия Левенчука, проводи-

мые в Подмосковье. На эти «школы передового опыта» я начал ездить еще из Петербурга.

Параллельно выяснилось, что с организационной точки зрения ПАРТАД представляет из себя руины. Например, секретарь ПАРТАДа от меня узнала, что входящие и исходящие письма необходимо регистрировать! Членские взносы в организации были очень небольшие, да и их далеко не все платили. До начала 1998 года основное финансирование шло по линии USID. Барентц групп (подразделение КРМГ) финансово поддерживал Информационный центр для регистраторов, как проект, на основе которого развивался ПАРТАД. Эксперты ИЦР разрабатывали методические документы в помощь регистраторам и депозитариям. Центр предоставил для работы ПАРТАДа собственные помещения, средства связи и компьютерной техники.

22 ноября 1996 года состоялось первое заседание экспертного совета при ФКЦБ как обособленном от правительства, специальном органе. В значительной своей части экспертный совет был сформирован 15 ноября на Всероссийской конференции профессиональных участников рынка ценных бумаг. На конференции впервые, как основной, был поставлен вопрос о роли и месте саморегулируемых организаций (СРО) участников фондового рынка. Я отстаивал необходимость объединения регистраторов и депозитариев в одну СРО.

Глава НАУФОР Дмитрий Пономарев указал на принципиальное различие, носящее этический характер, между существующими ассоциациями (НАУФОР, ПАРТАД) и будущими СРО: первые исповедуют «лоббистскую» политику в расчете на защиту своих членов, последние же, наоборот, должны будут заниматься надзором над входящими в них организациями...

В конце концов, принятая на конференции резолюция о СРО лишилась двух первоначально занесенных в нее пунктов. Делегаты не согласились с тем, что «саморегулируемые организации должны создаваться по профессиональному признаку и заниматься деятельностью по регулированию рынка как исключительной». Тем самым был сделан маленький шаг в сторону того, от чего зарекал фондовиков в своем выступлении Дмитрий Васильев: «Нам нужны не клубы по интересам, а очень жесткая система контроля»

Максим Кашулинский. Российский фондовый рынок, похоже становится регулируемым. // Сегодня (Москва). — 22.10.1996

Парадоксально, но делегаты тогда не соглашались с тем, что СРО «должны быть всероссийскими и иметь региональные отделения». Антимосковские настроения были сильны, и у части делегатов конференции никак не укладывалось в голове, как СРО, созданная в Москве, будет взаимодействовать с ними на Урале.

Петр Лансков, считает, что в данном случае речь идет о равноценном обмене полномочиями между ФКЦБ и СРО. «Надеяться на то, что государственный регулирующий орган наделит какими-либо полномочиями общественную организацию «с улицы» — бессмысленно, — считает он. — Если мы говорим об эффективной двуединой системе, то она должна быть построена на разумном обмене. В нашем случае, отказываясь от части своих прав, а именно от полной автономии, мы получаем ограниченное, но фактически исключительное право на сопровождение лицензионной и контрольной деятельности ФКЦБ».

Марина Тальская. Профессионалы рынка готовы на равноценный обмен // Финансовые известия (Москва). — 27.05.1997

Только в 27 мая 1997 года экспертный совет ФКЦБ одобрил Положение о СРО профессиональных участников рынка ценных бумаг, именно тогда две будущие СРО — НАУФОР и ПАРТАД фактически поделили сферы влияния. Договорились, что НАУФОР будет регулировать деятельность брокеров и дилеров, а ПАРТАД — регистраторов и депозитариев. Реально статус СРО мы получили только в конце того же года. Внутри же ФКЦБ уже тогда были люди, воспринимавшие создаваемые СРО как будущих конкурентов госрегулятора. Это, в частности, зампред Валентин Завадников, курировавший нашу деятельность. На его взгляд, в первую очередь надо было развивать региональные отделения ФКЦБ. Если бы не поддержка Сокина, результат усилий по созданию СРО вообще был бы непредсказуем.

На заседании совета директоров Профессиональной ассоциации регистраторов, трансфер-агентов и депозитариев зам. начальника управления взаимодействия с регионами ФКЦБ России Дмитрий Менаков торжественно вручил председателю совета директоров Игорю Полякову бланк лицензии на право осуществления деятельности в качестве саморегулируемой организации.

Новости профессиональных участников рынка // Деловой Экспресс (Москва). — 14.10.1997

Приняв дела в Москве, я в первую очередь стал укрупнять регистраторов, то есть делать то, что проделал уже в Петербурге. Большинство из них сильно отличалось от современных регистраторов, часто они были приложением к брокеру или банку, и говорить о сохранении инсайдерской информации в этом случае не приходилось. В ноябре мы вывели из своих рядов 150 случайно оказавшихся там или уже ушедших с рынка компаний. В ней осталось еще около 200 членов, 74 из которых имели лицензию ФКЦБ. Тогда же мы утвердили принципы членства в ПАРТАДе и требования к регистраторской деятельности, предусмат-

ривающие обязательную сертификацию у нас программного обеспечения и унификацию документов. Были разработаны стандарты регистраторской деятельности, вскоре появилась рекомендованная единая форма передаточного распоряжения. Из них потом выросло Положение о ведении реестра владельцев ценных бумаг, известное как 27-е постановление ФКЦБ. Стандартов депозитарной деятельности еще не было, но были принципы классификации счетов депо, разработанные при участии специалистов Центрального банка.

Глава ПАРТАДа также отметил, что ассоциация намерена распространить в регионах программу «гарантии подписи», которая уже действует в Москве. Она должна установить контроль за соблюдением правил по передаче прав собственности на ценные бумаги, а также по выявлению фальшивых документов, используемых недобросовестными участниками рынка при их перерегистрации. В ближайшее время эта программа будет введена в Санкт-Петербурге.

АФИ Ведомости // Коммерсантъ-Daily (Москва). — 14.11.1996

Надо сказать, что одним из немногих лицензионных требований к регистраторам со стороны ФКЦБ тогда было наличие у него не менее 100 тысяч лицевых счетов. И многие регистраторы мультиплицировали недобираемые счета. То есть требовали от клиента, имеющего 100 бумаг, разделить их на 100 счетов. Получалось, что если эмитент выпустил много бумаг, то для выполнения требования ФКЦБ могло хватить и одного акционера!

Тогда же в ПАРТАДе появилась система рейтингования регистраторов, действующая поныне, как первоначальный повод для сбора и обобщения информации. Рейтинг использовался и для решения других наших задач — так, на первом этапе мы с его помощью стимулировали, как я уже говорил, укрупнение компаний. Эта позиция при формировании рейтинга была приоритетной.

Эти сведения оказались очень кстати, когда возник вопрос об ограничении тарифов регистраторов, сформулированный в Постановлении ФКЦБ № 5.

По словам П. Ланскова, ассоциация дополнит существующие внутренние нормативы деятельности регистраторов и депозитариев новым стандартом, касающимся взимания платы с инвесторов за перерегистрацию корпоративных ценных бумаг. Хотя сейчас ФКЦБ требует, чтобы плата за перерегистрацию прав собственности на акции не превышала 14 тыс. руб., многие регистраторы несут убытки от этих операций. Между тем сейчас фондовый рынок находится на более высокой стадии развития, чем 2–3 года назад, когда многие регистраторы взимали с клиентов неоправданно высокую плату за внесение изменений в ре-

есть акционеров предприятия-эмитента. ПАРТАД намерена исправить существующее, положение дел.

Прайм-ТАСС. ПАРТАД будет контролировать регистраторов в регионах // Деловой мир (Москва). — 15.12.1996

Это требование постановления никем не соблюдалось — плата не превышала, кажется 0,2 МРОТа, то есть приравнивалась к цене простой выписки. Введение «потолка» было инициативой экспертов Комиссии Александра Абрамова и Виктории Волковой. Мне же Совет директоров выставил ультимативное требование: использовать контакты с ФКЦБ и снять это ограничение — иначе ПАРТАДа не будет! Стратегически мы исходили из того, что за все перерегистрации в конечном счете должен будет платить эмитент, предварительно осознавший себя таковым. Однако до сих пор это не удалось полностью реализовать в виду недостаточного числа АО, воспринимающих себя публичными компаниями. Для решения же проблемы текущих доходов регистраторов были использованы данные, собираемые для рейтинга, и анкетирование о структуре доходов регистраторов. Оказалось, что эмитенты на тот момент покрывают от 5 до 10% затрат регистратора, рассуждая примерно так: «Мы вам бизнес дали, вот вы идите и зарабатывайте!» Поддержал нас опять же Сокин, которому мы предложили установить тариф, научно обоснованный экспертами ПАРТАДа. В результате плату решили ограничить 1 рублем с 1000 рублей величины сделки, при условии, что регистратор еще за счет средств, полученных от перерегистрации застрахует риски своей профессиональной деятельности. То есть мы тогда постарались создать зачатки системы управления рисками. Вначале речь шла только о мошеннических действиях при перерегистрации. Тогда-то страховщики от нас и узнали, что у них появился новый страховой сервис. Это сейчас на этом сегменте их рынка не протолкнуться.

ПАРТАД готова применять штрафные санкции к своим членам, ущемляющим права инвесторов. Об этом заявил ...Петр Лансков. ПАРТАД уже оштрафовала двух регистраторов за то, что они нарушили требования ФКЦБ к максимальному размеру тарифов за перерегистрацию прав собственности, поскольку они превысили потолок в 50 минимальных зарплат.

Налоговые новости // АКДИ Экономика и жизнь (Москва). — 30.03.1998.

Кстати, хотя это ограничение тарифа на перерегистрацию через несколько лет по суду было отменено, многие регистраторы по традиции его придерживаются до сих пор. Вместе с тем роль эмитента в оплате услуг регистратора неуклонно растет и доля платы за перерегистрацию в его доходах падает.

После укоренения процедуры регулярного перелицензирования регистраторов на право осуществления деятельности по ведению реестров владельцев именных ценных бумаг Совет директоров ПАРТАДа в конце февраля 1997 года утвердил Положение о проведении инспекционной проверки членов ПАРТАД. В документе были установлены стандарты инспекционных проверок, права и обязанности инспекционной комиссии ПАРТАД, права и обязанности проверяемой организации. На этом мы не остановились, ПАРТАД выступил за некоторое ужесточение требований к лицензированию регистраторов и за внесение соответствующих изменений в постановление ФКЦБ, исходя из того, что без нас госорган способен принять и более радикальное решение. 18 ноября 1997 года экспертный совет Комиссии одобрил наши предложения. А предлагали мы условиями получения лицензии регистратора сделать наличие у него не менее 25 реестров эмитентов с числом акционеров более 500 (для регистраторов, расположенных в Москве, Санкт-Петербурге, Московской, Ленинградской, Свердловской и Нижегородской областях, — не менее 50 реестров). Так же они должны были иметь собственный капитал не менее 200 тысяч ЭКЮ (для организаций, ведущих реестры акционеров эмитентов, контрольный пакет акций которых закреплен в федеральной собственности — не менее 400 тысяч ЭКЮ). А требование о наличии у регистратора 100 тысяч лицевых счетов, наоборот, мы предложили исключить.

ФКЦБ отреагировала оперативно — уже 27 ноября вышло Постановление № 41 от «О внесении изменений и дополнений в Постановление № 18 «Об изменениях и дополнениях порядка лицензирования деятельности по ведению реестра владельцев именных ценных бумаг». В нем были приняты наши предложения, а также указано, что вклад любого акционера в уставный капитал регистратора не должен превышать 20% от уставного капитала.

Золотое время учетной системы

Безусловно, главными событиями 1997 года стали: подготовка и принятие Постановления ФКЦБ № 27 «Об утверждении Положения о ведении реестра владельцев именных ценных бумаг» (2 октября), публикация Доклада о концептуальных подходах к месту и роли депозитарной деятельности на современном рынке ценных бумаг, и события вокруг принятия Указа Президента № 1034 «Об обеспечении прав инвесторов на ценные бумаги в Российской Федерации» (16 сентября).

К 1997 году для всех стало ясно, что предыдущее постановление, написанное экспертами ФКЦБ («Временное положение о ведении реестра владельцев именных ценных бумаг» ФКЦБ № 3, утвержденное 12 июля 1995 года) — крайне неудачно. Поэтому мы предложили взять за основу нового документа наши стандарты регистраторской деятельности. Задействованные в подготовке Постановления регистраторы были членами ПАРТАДа, большинство — даже членами нашего Совета дирек-

торов. Мы оказывали и техническую поддержку экспертной группе, писавшей новую версию Постановления, наш сотрудник приходил на заседания с редким тогда портативным компьютером и по ходу заседания вносил изменения в текст.

В результате, в данном документе наконец была дана достаточно четкая, как нам казалось, регламентация деятельности по ведению реестра. Ошибкой же нашей было то, что мы были так рады согласию регулятора использовать наработанный нами опыт, что механически перенесли в Постановление № 27 все подробности и детали, содержащиеся в наших стандартах. В результате скоро мы сами стали об это биться головой! Шла эволюция процесса, мы многие вопросы уже решали по-иному, более эффективно, чем было отражено в Постановлении. Но сделать с написанным ничего не могли — и это стало тормозом для развития наших технологий, в частности сквозной обработки данных, электронного документооборота. Чиновники же до сих пор трактуют пункты положения по-разному, и мы постоянно под угрозой обвинения наших членов в тех или иных нарушениях. Из-за сложности документа проверяющие научились находить необходимую им трактовку некоторых положений. Даже в зависимости от того, на какое слово делается интонационное ударение, смысл менялся!

Летом начались активные дебаты по концепции развития учетной системы рынка ценных бумаг. К тому времени мы уже послали в ФКЦБ своего «казачка» Александра Гордона, так что мне пришлось этими делами заниматься меньше. Упираясь постоянно в некомпетентность сотрудников Комиссии и не имея возможности по каждому вопросу «дергать» Васильева и Сокина, мы уговорили Александра, регистраторский бизнес которого угасал, «пожертвовать собой» ради общего дела. Потом мы убедили Дмитрия Васильева, что Гордон, являясь профессионалом и порядочным человеком, который не будет брать взятки, нужен и ему, и нам. В итоге Гордон всегда отстаивал принципы профессионального устройства регулирования, мы всегда с ним спорили по смыслу и никогда не сталкивались с позицией «я — начальник, ты — дурак!» То есть мы получили в ФКЦБ партнера, не рассматривающего нас как конкурентов в вопросах регулирования. А именно так, к сожалению, обстоит дело сейчас с чиновниками ФСФР. Кстати, именно поэтому Гордон легко вернулся в профессиональную среду, а Костиков, например, не был ею принят.

В период обострения взаимоотношений между ФКЦБ и ЦБ РФ в 1997 году было принято решение о подготовке совместного Доклада «О концептуальных подходах...». Первоначально мне казалось, что написан он был с позиции отъявленных депозитарщиков. Готовил его, в основном Борис Черкасский, ведущий специалист ЦБ, а позже ДКК — ВТБ — НДЦ. Нас это не устраивало — в наших планах было постепенное выравнивание технологий двух сторон учетной системы, а не обсуждение и тем более назначение в ней главной и подчиненной

сторон. Ведь одна из причин живучести ПАРТАДа как раз заключается в том, что он выполняет роль моста между регистраторами и депозитариями.

Д. Васильев заявил, что «Доклад о концептуальных подходах» содержит некоторые недостатки. Основным из них он считает то, что «доклад получился слишком общим». В то же время совместный доклад ФКЦБ России и ЦБР впервые дает развернутое определение ценной бумаги и депозитарной деятельности на фондовом рынке.

Александр Шереметьев. Депозитарная деятельность // Деловой Экспресс (Москва). — 29.07.1997

Вот здесь я с Дмитрием не соглашусь. Это как раз достоинство Доклада. Он породил понятие учетной системы! После того как из документа ушли наиболее одиозные положения, в основном из преамбулы, он получился достаточно разумным, как оказалось впоследствии. Во всяком случае, до такого уровня концептуального осмысления ситуации, обобщения приобретенного опыта в дальнейшем ни ФКЦБ, ни ФСФР, ни ЦБ больше не поднимались. Сейчас регуляторы работают с сильным отставанием от рынка.

Недостаток Доклада в другом.

Одно из самых «революционных» положений концепции состоит в том, что, сформулировав «родовые» функции единой учетной системы, авторы сделали следующий вывод: поскольку главной задачей нынешнего регистратора является подтверждение прав собственности на ценную бумагу, то он, по сути, является лишь разновидностью депозитария. (Кто-то из участников рынка в свое время даже назвал регистраторов «депозитариями для бедных» — Черкасский *прим. авт.-сост.*). И потому для этого вида деятельности вводится новое понятие — головной регистрирующий депозитарий.

Категорически против подобного, по его определению, «коктейля» из депозитарной и регистраторской деятельности высказался президент ПАРТАДа Петр Лансков. Он заявил, что не исключает возможности совмещения этих видов деятельности, но не согласен с их искусственным смешиванием, в результате чего в рамки новой структуры изначально закладывается конфликт интересов между эмитентом и инвестором. По его мнению, недопустимо принудительно «загонять» инвестора в объятия депозитариев.

Марина Тальская. Рынок ценных бумаг охвачен политическими интригами и профессиональными спорами // Финансовые известия (Москва). — 24.07.1997

Еще один важный консенсус, достигнутый в Докладе: все согласились, что особенность российского пути в том, что бездокументарные бумаги как инструмент фондового рынка были заложены концепцией чековой приватизации, именно поэтому для их обслуживания нужно было создать распределенную учетную систему снизу, без центрального депозитария. Она должна постепенно консолидироваться на добровольной основе, путем тонкой настройки нормативными актами и действиями СРО, а не централизовываться. После достижения этого консенсуса настало золотое время свободного развития учетной системы — 1997–1999 года. ФКЦБ, по ряду внутренних причин, перестала революционизировать ситуацию, а после кризиса 1998 года сменилась и команда ЦБ и инфраструктурой рынка ценных бумаг государство практически перестало заниматься, что немало способствовало ее развитию.

А Козлов в описываемый период, как противник создания Центрального депозитария по концепции ФКЦБ, де-факто оказался нашим союзником по этому вопросу. Конечно, его позиция объяснялась тем, что он понимал, что пока Васильев возглавляет ФКЦБ — НДЦ статуса ЦД не получит.

Шансы стать ЦД в середине 90-х годов имели ДКК и уже функционирующая сеть Депозитарно-расчетного союза Виктора Сахарова. В данный список я не включаю систему Кассового союза, сделанную по немецкой технологии для обслуживания ваучеров как документарных бумаг. Система у них обслуживалась очень дорогой сетью «Sprint-Net». Работала она до тех пор, пока за нее платили американцы. В ДКК же, увы, так и не появился настоящий администратор-менеджер, который мог бы адекватно потратить большие деньги, вложенные в компанию USID. За 15 млн долларов можно было создать полноценный Центральный (расчетный) депозитарий! В частности, была возможность поглотить для этого и петербургский РДЦ. Были и другие варианты. Поэтому Васильев и вызвал в Москву энергичного Сахарова (по генотипу схожего с Сокиным и поэтому понятного Альберту). К сожалению, за этим напором у Виктора не оказалось необходимой глубины. В частности, мне не нравилась его идея с разделением депозитарного сообщества на «попечителей» и «хранителей», но так как я на этапе обсуждения этого документа еще не вошел полностью в тему, то активного участия в дискуссии по этому поводу не принимал. Но желание распространить учетную систему на брокеров вызывало у меня инстинктивное недоверие. Я знал брокеров по Питеру и с трудом представлял, как эти структуры, рассчитанные только на «купи-продай», способны серьезно построить внутри себя «китайскую стену» и организовать депозитарное обслуживание, не подчиненное их основной цели — заработку сверхприбылей любой ценой. Но в результате оппонирования этому решению со стороны Центрального банка ситуация стала еще хуже: формально равное право на осуществление депозитарной деятельности на

основании единой депозитарной лицензии теперь имеют около 800 организаций–депозитариев! Основы «размножения» депозитариев заложил ЦБ, который создавая систему дилеров на рынке ГКО, ввел требования наличия депозитарной лицензии у всех, кто обслуживает оборот госбумаг. А можно было этого не делать.

Президент ПАРТАДа Петр Лансков считает, что время, когда сближение и даже объединение расчетных депозитариев было возможно, уже позади. Надо принять ситуацию такой, как она «исторически сложилась»: структуры, возникшие около различных торговых площадок, очень обособлены, самодостаточны и к тому же амбициозны. На его взгляд, можно даже извлечь максимальную пользу из этой разобщенности, если не пытаться унифицировать уже сформировавшихся индивидуумов, а наоборот, настаивать на их дальнейшей специализации по секторам рынка. Тем более что правила учета разных видов ценных бумаг отличаются.

Марина Тальская. Расчетные депозитарии еще не решили, сближаться им или расходиться // *Финансовые известия* (Москва). — 10.02.1998.

16 сентября 1997 года вышел еще более экзотичный документ — Указ Президента «Об обеспечении прав инвесторов на ценные бумаги в Российской Федерации» (о центральном депозитарии) № 1034, в нем говорилось: «согласиться с предложением правительства о создании национальной депозитарной системы, включающей в себя Центральный депозитарий — Центральный фонд хранения и обработки информации фондового рынка...»

Предварительно его активно обсуждали, но участники рынка не были услышаны.

Между тем, пока идут межведомственные боевые действия, сами депозитарии ощущают себя забытыми и брошенными. На совещании их представителей, прошедшем 22 июля, представители депозитарных компаний подвергли критике оба предложенных варианта. «Депозитарии находятся не на Марсе, и им придется выполнять то, что решат федеральные ведомства, — заявил председатель ПАРТАДа Петр Лансков. — А предложенные проекты указов следуют логике ведомственного противостояния, а не логике реальной жизни».

Денис Черкасов. Президентский Указ Дмитрия Васильева остался неизданным. // *Коммерсантъ* (Москва). — 29.07.1997

Появление этого документа было окружено ореолом таинственности. Первоначально проект Указа предполагал большой передел рынка, так как требовал «от всех госорганов и коммерческих организаций,

обеспечивающих хранение госпакетов акций, являющихся собственниками или управляющими, а также владеющих ими по договору залога или иному обязательству, передать их до 1 января 1998 года на хранение и зарегистрировать права на них в одной из организаций, входящих в национальную депозитарную систему». Указ должен был стать инструментом борьбы за управление инфраструктурой рынка. Главным его двигателем был Руслан Геннадьевич Орехов — начальник Государственно-правового управления администрации Президента РФ. В то время внутри администрации он был реально влиятельнее главы администрации!

Итоговый текст Указа оказался совсем корявым и никаких проблем не решил, хотя и не создал новых.

Кто на рынке хозяин или как управлять рынком?

В 1998 году позиции ПАРТАДа как саморегулируемой организации (СРО) укрепились. Это было связано и с последовательной политикой в этом вопросе ФКЦБ.

По образному выражению главы комиссии Дмитрия Васильева, СРО должна стать «третьей рукой» ФКЦБ. Однако пожатие этой руки для многих профессионалов будет слишком тяжелым.

Елена Романенко. В интересах индустрии // Финансовая Россия (Москва). — 27.08.1998

В целях усиления роли СРО на рынке ценных бумаг Комиссия 3 июня приняла постановление № 22, в котором предписала всем депозитариям вступить в подобную организацию до 1 августа, а брокерам и дилерам — до 1 октября текущего года.

В России на тот момент официально в качестве СРО ФКЦБ были признаны два объединения — наше и НАУФОР. В ПАРТАД за два месяца после Постановления вступили более 50 новых членов, и ассоциация стала объединять около 300 компаний. Ее влияние на рынок значительно возросло.

«Мы будем контролировать всех и каждого, — заявил президент ПАРТАДа Петр Лансков. — Если мы хотим, чтобы когда-нибудь кризис прекратился, мы должны изменить ментальность компаний, выражающуюся формулой: минимум контроля — максимум свободы воровать». Как отмечают специалисты ПАРТАД, первые же проверки показали, что уровень профессионализма специалистов организаций, совмещающих депозитарную и другие виды деятельности, в ряде случаев весьма низок. В связи с этим Петр Лансков считает, что вступление в ПАРТАД на «добровольно-принудительной» основе пойдет на пользу российскому рынку»

ку. И если некоторая часть участников рынка в своем понимании «не дотягивает» до интересов индустрии, то к таким организациям необходимо применить меры принуждения.

Елена Романенко. В интересах индустрии // Финансовая Россия (Москва). — 27.08.1998

Надо сказать, что мы должны были спешить, как я уже говорил, после прекращения финансирования со стороны USID, у нас не стало средств для осуществления реальных функций СРО: контроля за участниками рынка — членами организации, проведения выездных проверок и т. д. Все это стоит немалых денег. Мы тогда предупредили Васильева, что если не будет обязательно членства — ПАРТАД как СРО функционировать не сможет! А это чревато, в частности, потерей хорошо подготовленных, опытных экспертов — их быстро и с удовольствием заберут к себе коммерческие структуры. Здесь мы подходим к взаимоотношениям между СРО. Следует сказать, что между нами и Национальной ассоциацией участников фондового рынка (НАУФОР) не так много общего. Начиная с целей работы: мы ставим задачу создания и развития стандартов деятельности, наши коллеги всегда занимались в основном политикой. До сих пор никаких нормативных документов, регламентирующих работу брокера/дилера (за исключением маржинальной торговли), нет, а у регистраторов и депозитариев их уйма! У нас в организации сосредоточены люди научного склада ума, с которыми можно часами обсуждать нюансы той или иной операции: как ее оформить, как защитить интересы инвесторов, как управлять рисками и т. п. Практически все они долго работают на рынке, а не скачут по нему. Благодаря этому мы за прошедшие годы образовали устойчивый, независимый от государства конгломерат профессионалов.

Не случайно, после того, как Костиков ликвидировал обязательное членство в СРО, мы логичным образом трансформировались в отраслевую научно-исследовательскую структуру, работающую в интересах своих членов, — от нас ушли только те, кого вынудили вступить без понимания целей саморегулирования. Костяк же из наиболее серьезных учетных институтов всегда был верен своей организации, какой бы статус она ни имела! Они понимают необходимость совместной выработки стандартов деятельности.

Еще в начале 2000-х годов были налицо не совпадающие подходы НАУФОР и ПАРТАД к регулированию депозитарной деятельности: стандарты ПАРТАД по депозитарной деятельности и стандарты НАУФОР по бэк-офису. Стандарты наших коллег были подготовлены еще в рамках действовавшего когда-то 20-го депозитарного постановления. Это когда существовал особый вид депозитария — «депозитарий-попечитель», который на самом деле вообще не депозитарий, а «шестеренка» в выстроенной «пирамиде» иных депозитариев. И, к сожалению, бэк-

офисы вынужденно стали тогда выполнять и учетную функцию. Потом появилось 36-е постановление, сменившее 20-е, установившее новые требования к депозитарной деятельности, а по бэк-офису все осталось в том же состоянии смешения брокерской и депозитарной деятельности.

Августовский кризис 1998 года сильно почистил ряды депозитариев, их число за год после кризиса значительно уменьшилось.

А через год, 27 августа 1999 года ФКЦБ неожиданно приостановила нам лицензию СРО. Объяснялось это якобы рядом допущенных нарушений в организации внутренней деятельности ПАРТАДа.

Нормативные акты комиссии выходили тогда так часто, что мы просто иногда не успевали привести в соответствие с ними внутренний документооборот. После проведенной в июле проверки ФКЦБ мы ждали ее итогов, чтобы с учетом замечания. Как я теперь думаю, проверка и ее неожиданный результат были вызваны тем, что нас хотели на всякий случай поучить жизни. С точки зрения некоторых членов ФКЦБ, мы вели себя слишком самостоятельно, критиковали некоторые нормативные акты. Что, кстати, доказывает, что мы вели себя как профессиональная, неангажированная СРО.

К тому же проверка наложилась на период отпусков, что вызвало естественные трудности в устранении замечаний по ее результатам. Как-либо системных нарушений ФКЦБ не выявила. Более того, Дмитрий Васильев сказал мне: «Устраните нарушения за три дня — получите лицензию через три дня». Торопиться мы не стали и, подав документы через три недели, возобновили лицензию. Но история наделала шума!

Потом началась эпопея с регистратором «Панорама». Я не стал бы называть эти взаимоотношения конфликтом. Это была нормальная реализация правоприменительных функций СРО. Данный регистратор был большой дисперсной структурой, не организованной как система, а скорее являлся конгломератом присоединенных, проглоченных, либо захваченных мелких регистраторов (ЗАО «Компания-регистратор «Панорама»» входила в пятерку крупнейших регистраторов России и вела более 3 млн клиентских счетов, обслуживая около 550 эмитентов. *Прим. авт.-сост.*). Внутри него не действовали единые разумные правила, не было общего софта, многие другие обязательные для цельной компании условия в ней не соблюдалось. А тем самым не была обеспечена защита прав инвесторов. В «Панораме» было придумано множество полузаконных экзотических способов уклонения от выполнения своих регистраторских обязанностей. Особенно это проявлялось при приемке-передаче реестров. Забрать реестр у «Панорамы» было невозможно. На этом у них был бзик! Руководители-владельцы компании воспринимали попытку эмитента безнаказанно (в их понимании) их покинуть личным оскорблением, потерей «профессиональной» репутации. В их типовых договорах предусматривалось, что об их расторжении следует предупреждать за полгода, а иногда и более длительный

срок! Но даже при выполнении этого условия тебе не было гарантировано решение вопроса: с чистой совестью менеджеры «Панорамы» могли заявить, что писем-уведомлений о прекращении договора они не получали, а если и получали, то не по месту своего нахождения и оформленные не так. То есть они использовали все формальные и неформальные поводы для удержания клиента. Если эмитент не принадлежал олигарху, то, попав в объятия этого регистратора, он становился его крепостным.

Могла ли такая организация не вызывать всеобщего отторжения?!

Когда они вступили в нашу организацию, мы приложили много усилий, чтобы убедить их, например, в том, что не может у регистратора быть таких отделений на местах, которые даже не имеют официального статуса филиала. То есть юридически не существующих! Нам все-таки удалось это сделать: «Панорама» преобразовала эти «летучие голландцы» в филиалы.

Вместе с тем они продолжали вести войну со всеми своими коллегами, жаловались на них в региональные отделения ФКЦБ, использовали для разрешения даже мелких конфликтов административный ресурс на местах.

Кстати, их юридический преемник «Р.О.С.Т.» не имеет с ними в профессиональном смысле ничего общего — технологию в этот регистратор привнесла Фондовая регистрационная компания, объединившаяся с ним впоследствии. И его новые сотрудники, делаясь впечатлением о принятом хозяйстве, удивлялись уровню кавардака, с которым им пришлось столкнуться. Так что сама «Панорама» не лечилась!

Два года длились наши трения, наконец, чаша терпения была переполнена, многие крупные регистраторы поставили условие: или вы разбираетесь с «Панорамой», или мы подаем жалобу в ФКЦБ, что вы не принимаете мер. Плановая проверка «Панорамы» совпала с проверкой нас ФКЦБ (о которой я рассказывал выше).

Итак, 23 ноября 1999 года по итогам проверки «Панорама», получив от нас отказ в продлении лицензии, подала документы напрямую в ФКЦБ. Т. е. воспитательного эффекта мы не достигли. Хотя полтора десятка страниц наших замечаний были такого уровня, что лишить их лицензии можно было по любому пункту! В частности, в ходе инспекционной проверки были обнаружены факты фальсификации и изготовления подложных документов.

«Так совпало, — рассказал президент ПАРТАДа Петр Лансков, — что вопрос о лицензировании рассматривался на совете директоров вместе с вопросом о результатах инспекционной проверки «Панорамы». И мы могли убедиться в несоответствии фактов, предоставленных «Панорамой», результатам проверки. Мы боремся за чистоту наших рядов и будем настаивать на досрочном аннулировании ее лицензии». Однако председатель правления группы компаний «Панорама» (в которую вхо-

дит и компания-регистратор) Максим Протасов заявил: «Это полная чушь, акт проверки даже не был с нами согласован».

Павел Преженцев. Черный ход в ФКЦБ // Коммерсантъ (Москва). — 27.11.1999

К тому времени прецедентов выдачи или продления лицензии в обход саморегулируемых организаций еще не было.

«Если комиссия выдаст лицензию «Панораме» без нашего ходатайства, мы будем вынуждены подать на ФКЦБ в суд за нарушение ее собственных нормативных актов», — заявил Лансков. Такая резкость вполне объяснима, ведь выдав лицензию, ФКЦБ по сути объявит, что для работы на рынке не обязательно быть членом ПАРТАДа. А это может поставить под угрозу само существование ассоциации.

Павел Преженцев. Черный ход в ФКЦБ // Коммерсантъ (Москва). — 27.11.1999

В этот период Дмитрий Васильев был в переходном состоянии — то уходя, то возвращаясь в Комиссию. Там началось время безвластия на фондовом рынке.

Последующие действия чиновников ФКЦБ мы восприняли, как предательство и обман. Перед принятием решения по «Панораме», мы консультировались с ними, говорили о готовящихся против нарушителя мерах. Мы интересовались — сдадут ли они нас, как СРО, в случае давления? И лица, коллективно замещавшие Васильева, заверили, что поддержат наши действия.

Однако 21 декабря заявление «Панорамы» было удовлетворено — ФКЦБ продлило ей лицензию.

По всей видимости, с уходом Дмитрия Васильева его бывшая команда оказалась не готова принципиально отстаивать свои позиции. Плох был Васильев или хорош, но при нем комиссия всегда пыталась четко следовать ей же установленным правилам игры, несмотря ни на какое давление извне. Теперь ситуация меняется. А значит, после «Панорамы» решать вопросы напрямую в комиссии захотят и другие компании. Возможно, в этом и нет ничего плохого. Но только придется признать, что несколько лет, потраченных ФКЦБ на создание инфраструктуры саморегулируемых организаций, ушли впустую.

«Панорама» после битвы // Коммерсантъ (Москва). — 23.12.1999

Не исключаю и факта коррупции со стороны некоторых членов ФКЦБ. Уж больно «Панораме» нужно было это решение.

Новая метла

Место руководителя ФКЦБ/ФСФР какое-то проклятое. Приходящий на его место человек, даже с нормальными мозгами, постепенно преобразуется и, как в старой сказке, превращается в дракона. Так что все дело не в людях, а в бюрократической системе регулирования финансовых организаций.

Неопределенность в ФКЦБ плохо сказывалась на работе инфраструктуры рынка. Когда место председателя пустовало уже больше месяца, мы начали действовать...

В письме, направленном Президенту и премьеру, и президент ПАРТАДа Петр Лансков прямо говорят, что новым руководителем ФКЦБ должен быть человек, «ранее не работавший в регулирующих органах». При этом он должен «обладать знаниями и опытом работы в области правоотношений». Свою позицию авторы письма объясняют тем, что рынок «устал от бесконечного противостояния между такими ведомствами, как Центробанк, Минфин и ФКЦБ». А из-за того, что бывшему руководителю комиссии Дмитрию Васильеву не удалось выстроить нормальные отношения с Минюстом, ФКЦБ практически не вела реальной законотворческой работы. «Из нескольких десятков нормативных актов, представленных комиссией в Минюст, было зарегистрировано лишь два», — отметил ... глава ПАРТАДа Петр Лансков. В связи с этим НАУФОР и ПАРТАД предлагают президенту и премьеру рассмотреть возможность назначения на пост главы Федеральной комиссии человека, за которым «нет шлейфа подобных исторических взаимоотношений, накопившихся претензий, амбиций и обид».

Сергей Тягай. Брокеры дали Путину совет // Коммерсантъ (Москва). — 01.12.1999

Признаюсь: назначение Костикова я первоначально даже одобрил.

Главу ФКЦБ нужно было назначить давно, и сам факт назначения уже положителен. Что касается конкретно Костикова, то я его знаю лично, да и петербургский фондовый рынок его знает давно. То, что Костиков создал удачно функционирующий рынок займов в Санкт-Петербурге, говорит о многом. Причем по его образу и подобию работали в других регионах. Отмечу, что учтено наше с НАУФОР пожелание о том, что комиссию не должен возглавить участник московских разборок, это важно.

А Вы знаете Игоря Костикова? // Коммерсантъ (Москва). — 02.02.2000

Следует отметить, что и в Питере у Костикова было специфическое положение. Благодаря особому статусу как менеджера муниципального займа в Комитете финансов, компанию АВК, владельцем которой был

Костиков, не любили другие питерские участники рынка. Это был конкурент, с функциями влиятельного администратора. Был изгоем и сам Костиков, коллеги долго не хотели принимать АВК в ЕТС и НАУФОР. Единственная организация, куда его приняли, был наш Комитет профессиональных участников рынка ценных бумаг. Я решил быть выше брокерских комплексов и дать шанс коллеге. И действительно, тогда мы нормально взаимодействовали с топ-менеджментом АВК. Тем более, что технологически процессы в компании были решены нормально для того этапа развития рынка. А хваля рынок муниципальных займов, я хвалил, в первую очередь, и свое детище РДЦ. Неужели я должен был его ругать?

Я еще тогда не знал, что стоящие за «Панорамой» конкретные олигархические структуры, оказались близки и к новому руководителю комиссии. Он пришел к власти с подачи тех лиц, реестры эмитентов которых вела «Панорама».

Чуть ли не в первую встречу с новым руководителем ФКЦБ мне было приказано свернуть атаку на «Панораму». Я ответил, что у нас этот вопрос решается Советом директоров и как он решит, так и будет. И что у нас в уставе не предусмотрено выполнение его прямых распоряжений.

Через некоторое время пришел черед проверки нами АВК. Процесс проверок наших членов в ПАРТАД был массированный и усматривать в этом месть не стоит. У компании, как у любого квази-депозитария, было достаточно недостатков. К тому времени, по словам Костикова, он уже два года не имел никакого отношения к АВК. Так вот, меня вызвали в ФКЦБ, где передали слова руководителя, что если с головы проверяемой компании упадет хотя бы один волосок, от ПАРТАДа не останется камня на камне!

Для того чтобы досадить нам, функции СРО по депозитарной деятельности были предоставлены НАУФОРу.

Осмелела и «Панорама», вышедшая с предложением к профучастникам убедить совет директоров ПАРТАДа сменить своего руководителя. Письмо было опубликовано «Коммерсантом».

Сам президент ПАРТАДа, к которому мы обратились за комментариями, заявил, что «все претензии «Панорамы» — на уровне бреда». «Они теперь вообще не члены ПАРТАДа, и должность руководителя ассоциации — не их собачье дело — так прямо и напишите», — сказал Петр Лансков.

Александр Семенов, Павел Преженцев. «Панорама» перешла на личности // Коммерсантъ (Москва). — 26.01.2000

Дальше — больше, 27 апреля Костиков на совещании региональных отделений ФКЦБ заявил, что саморегулируемые организации исчерпали себя, политика НАУФОР и ПАРТАД не оправдала себя, и их

функции следует отдать региональным отделениям комиссии! 25 мая позиция была уточнена. На общем собрании НАУФОР зампред ФКЦБ Владимир Миловидов заявил, что СРО должно быть много, чтобы они конкурировали между собой, поэтому членство в них должно быть добровольным.

Основная претензия комиссии — работа СРО «начала превращаться в бюрократическую рутину, а сами организации стали рассматривать себя как часть государства». А любые намеки на исправление ситуации воспринимаются как посягательство на завоеванную привилегию быть филиалом государства. «У государства нет и не может быть филиалов», — сказал, как отрезал, Миловидов.

Борис Сафронов. Саморегулируемых организаций будет много // Ведомости (Москва). — 26.05.2000

Через месяц статус СРО получила Национальная фондовая ассоциация (НФА), объединяющая 200 организаций, в основном банки.

Потом было принято решение: вбить клин между СРО. Игорь Костиков 27 июня встретился с председателем правления НАУФОР Иваном Тырышкиным и обсудил с ним вопрос о предоставлении НАУФОРу функций саморегулируемой организации для депозитариев. Правда, не для всех, а только для брокерских и дилерских компаний, которые совмещают свою деятельность с депозитарной. Расчетные депозитарии милостиво решили оставить в ПАРТАДе. Для меня эта информация не оказалась сюрпризом. Тырышкин по психологическому типу типичный брокер, отношение к которым я сформулировал выше.

Объявила о готовности регулировать депозитарную деятельность и НФА, более того, это предложение тоже получило одобрение ФКЦБ. Как и сейчас, всячески стремился подчеркивать свою лояльность Федеральной комиссии НАУФОР.

Правительство Москвы приняло решение передать реестры всех подконтрольных городу предприятий регистратору «Панорама». На рынке это вызвало шок: «Панорама» имеет репутацию самого скандального российского регистратора.

Петр Рушайло. «Панорама» взяла все реестры Москвы // Коммерсантъ (Москва). — 20.07.2000

10 августа постановление ФКЦБ о новом порядке лицензирования участников рынка ценных бумаг было подписано — наличие ходатайства от СРО стало необязательным.

Любимой песней Костикова до сих пор остаются комические куплеты про вредность СРО. С точки зрения профучастника любое регулирова-

ние — зло. Однако с точки зрения инвестора — зло необходимое. Другой вопрос — профессиональное регулирование или нет. В 1998 и 1999 году, когда НАУФОР и ПАРТАД имели реальные рычаги саморегулируемых организаций — оно было таковым. Был полноценный надзор за профсообществом за его же деньги, благодаря которому возрос уровень защиты прав инвесторов. Наверное, произошло это благодаря тому, что государству после кризиса было не до нас — профсообщества. Так что еще раз убеждаешься — нет худа, без добра.

В НАУФОР входит чуть меньше 1000 профучастников, размер членских взносов — в среднем 180 в месяц. В ПАРТАД около 160 участников; они должны платить за это \$300–700 в квартал в зависимости от типа лицензии.

Максим Филимонов, Борис Сафронов. Приговор СРО // Ведомости (Москва). — 17.10.2000

Да, может быть и не одно СРО в сегменте рынка, при условии, что членство в любом из них все-таки обязательно. Между собой о критериях мы сможем договориться. В частности, в 2000 году мы разработали стандарты депозитарной деятельности и коллегам из НАУФОР и НФА в конечном счете их подарили, чтобы не появилось несколько противоречащих друг друга стандартов. Не без труда, поборов в себе инстинкт собственника интеллектуальной продукции, мы им предложили считать документы общими, только чтобы не появились разные стандарты одной и той же деятельности.

В начале сентября 2000 года борьба Федеральной комиссии по рынку ценных бумаг с саморегулируемыми организациями вступила в завершающую стадию. Даже не дождавшись необходимых изменений в законодательстве, ФКЦБ начала напрямую продлевать лицензии и в массовом порядке выдавать лицензии брокерам, не являющимся членами СРО. Генерация возглавляющих ФКЦБ чиновников решала проблему укрепления своей бюрократической власти, расчистив поле для своей деятельности. СРО это поле реально сужали.

18 сентября заместитель председателя Федеральной комиссии по рынку ценных бумаг (ФКЦБ) Владимир Миловидов направил письмо в Национальный депозитарный центр (один из крупнейших регистраторов) о поддержке кандидатуры Михаила Недельского на выборах президента ПАРТАДа. ... Выборы пройдут в октябре.

О.А. ФКЦБ поддержала Недельского // Деловой Петербург (Санкт-Петербург). — 20.09.2000

В конце весны у меня был разговор в ФКЦБ, где мне сказали, что с ПАРТАДОМ все «рассосется», в случае если я уйду. Я был на это согласен при условии, что комиссия снимет все свои неправомерные претензии к ассоциации. Но этого не происходило. Вместо меня нами были предложены нейтральные кандидатуры на пост президента ассоциации, но комиссия активно навязывала своего ставленника. Продолжала ФКЦБ и «разводить» нас с другими СРО. 9 октября совет директоров НАУФОР проголосовал за включение в компетенцию ассоциации регулирование депозитарной деятельности. Лишь двое из 15 членов, принявших участие в голосовании, были против.

НАУФОР, по словам председателя совета директоров Ивана Лазарко, намерена использовать те же стандарты депозитарной деятельности, что и ПАРТАД.

Однако и здесь возможны проблемы. «Если НАУФОР будет использовать наши стандарты, мы подадим на нее в суд, — говорит Лансков. — Это наша интеллектуальная собственность, и, если они хотят ею пользоваться, пусть заплатят деньги».

Борис Сафронов. ФКЦБ дождала НАУФОР // Ведомости (Москва). — 10.10.2000

16 октября пункт соответствующего указа, обязывавший участников фондового рынка вступать в СРО, по предложению ФКЦБ отменил президент Путин.

В тот же период мы старались реализовать еще ряд проектов и концепций, но при сложившемся отношении к нам со стороны регулирующего органа сделать это было трудно. Была убита не система СРО, а вся коллегиальность регулятивной, нормотворческой деятельности на рынке, с таким трудом создаваемая все предшествующие годы!

Петр Лансков: Указ об обязательном членстве в СРО был, конечно, насильственной мерой. Но вы знаете еще какие-нибудь способы цивилизации варварских стран? Указ свою задачу выполнил. Количество случайных людей на фондовом рынке резко снизилось. Но дело не в том, чтобы что-то отменить, а в том, чтобы предложить что-то новое... Мне еще интересно, каким образом ФКЦБ, имея в управлении регулирования регистраторов и депозитариев девять человек, будет контролировать несколько сотен этих организаций? Ей, что, денег кто-то добавил? Или в бюджете есть увеличение расходов на содержание аппарата ФКЦБ? Значит, в силу финансовых причин мы получим спецконтроль по спецзаказу.

Ведомости (Москва). — 18.10.2000

На Совете директоров 25 октября я объявил о решении оставить пост президента ПАРТАДа. В то же время в совет вошел первый зампред ФКЦБ Владимир Миловидов. Я тогда даже пошутил: «Теперь мы круче, чем НАУФОР: у нас в совете директоров есть зампред ФКЦБ, а у них нет!»

В связи с тем, что не был урегулирован вопрос с моим сменщиком, я продолжил исполнять текущие административные обязанности. Тогда 17 ноября Комиссия сделала очередной шаг — приостановила лицензию ПАРТАДа и предписала, что президент и Совет директоров ассоциации должны прекратить деятельность в своих качествах. Все руководство ФКЦБ потребовала возложить на исполнительного директора ПАРТАДа Михаила Недельского. Охлаждать пыл Костикова мы смогли только избрав председателем Совета директоров ПАРТАДа председателя подкомитета по фондовому рынку Госдумы РФ В. С. Плескачевского, имеющего репутацию его давнего оппонента. Виктор Семенович своим политическим весом и моральным авторитетом прикрыл ПАРТАД, как организацию, от вмешательства в ее внутреннюю деятельность. Это остановило наших оппонентов, и, в свою очередь, 1 декабря я покинул ПАРТАД. Вернее, уйдя с административной должности, остался заниматься исследовательской работой в «дочке» СРО — Инфраструктурном институте.

В кулуарах представители СРО ...рассказывали такой анекдот. В связи с экономией средств число членов ФКЦБ сократили с 11 до 3. Первый вопрос на заседании «тройки»: что делать с Лансковым... Председатель: «Расстрелять гада». Второй вопрос: награждение за вклад в развитие рынка. Решили: наградить Ланскова посмертно.

Петр Рушайло. Собрания акционеров вынесут на суд ангажированных экспертов // Коммерсантъ (Москва). — 22.11.2000

После этого, честно скажу, мы сделали все, чтобы осложнить Костикову его бурную деятельность. Ни один его шаг не остался без нашего комментария. Кстати, Костиков сильно преувеличивает свою роль в сокращении числа регистраторов. Когда он стал руководителем ФКЦБ, было уже не 400, как он пишет, а только 120 организаций, имеющих соответствующую лицензию. Мы до него уже тщательно «подчистили» рынок. Сокращение шло по чисто экономическим причинам. Жесткие же административные методы Костикова привело лишь к появлению большого числа региональных филиалов столичных регистраторов, зачастую слабо контролируемых их головными офисами.

И все-таки за что-то спасибо и Костикову — он избавил нас от иллюзии, что регулирующий орган государства (особенно нашего) может быть дружелюбен участникам рынка и равноудален от них.

В качестве итогового вывода хотелось бы сказать, что история инфраструктуры российского фондового рынка показывает, что если мы хотим нормального поддержания прав собственности на бездокументарные ценные бумаги для граждан в любой точке страны, то для этого необходима разветвленная сеть учетных институтов и их трансфер-агентов. Именно она обеспечивает распределение рисков, когда разрыв в каком-то месте цепи существенно не влияет на устойчивость системы в целом. Реально необходимые организованному рынку депозитарные структуры всегда находятся в центрах фондового рынка, в нашем случае, преимущественно в пределах Садового кольца Москвы. Если мы, как хотят некоторые, в конце концов останемся с одним таким юрлицом — центральным депозитарием, то регулятор утратит возможность его реально контролировать, станет сам от него зависимым — заменить его при необходимости будет нечем! Поэтому система должна быть распределенной. С ударением на слово **система**, с унифицированными стандартами, форматами электронных сообщений, сквозным электронным документооборотом и непрерывной обработкой данных. Именно на это сейчас направлены основные усилия ПАРТАДа.

И важная роль здесь принадлежит саморегулированию — уникальному политическому и экономическому методу, позволяющему решать, в том числе, и задачу борьбы с коррупцией в регулирующих органах. Без насилия, без охоты за ведьмами, без наращивания правоохранительных структур, так как основное поле коррупции находится как раз на стыке рынка и государства.

